

ПОКАЗАНИЯ

85
82

СВИДЕНИЯ Н.В. от 4/УП-1931 года.

СВЕДЕНИЯ О ПИСАТЕЛЯХ.

ХВИЛЕВИЧ М. - Мне неизвестно, имел-ли ХВИЛЕВИЧ какое-либо сознательное, непосредственно-личное отношение к украинской контр-революционной организации и знал-ли он о ее существовании. Ни мои личные встречи-беседы с ХВИЛЕВИЧЕМ /этих бесед было очень мало/, ни разговоры с другими лицами о ХВИЛЕВИЧЕ не давали мне достаточного материала /оснований/ даже подозревать участие ХВИЛЕВИЧЕВОГО в украинской контр-революционной организации. Тот же факт, что ХВИЛЕВИЧ в своей литературно-публицистической деятельности был рупором вообще украинского национализма и имел для украинских контр-революционных группировок значение весьма сильного вспомогательного фактора, - этот момент достаточно известен всем из печати, и я на нем не буду останавливаться.

Наличие у ХВИЛЕВИЧЕВОГО украинско-националистических настроений не вызвало у меня никаких сомнений уже после того, когда я внимательно ознакомился с его сборником "Сині етюди" и "Осінь". На основании отдельных мест и деталей /не имея сейчас под руками указанных сборников, я не могу указать эти детали § я их забыл, от них у меня осталось только общее впечатление /- часто весьма незначительных и неаметных в общей словесной массе, - на основании этих деталей из произведений ХВИЛЕВИЧЕВОГО я решил, что этот писатель очень и очень сродни украинским националистам. О таком своем умозаключении я сказал Ад.Ив. ПОПОВУ. Ад.Ив. ПОПОВ был такого же мнения о ХВИЛЕВИЧЕ, как и я. Тогда же, в

1924 году, я решил работать над языком произведений ХВЫЛЕВОГО - решил работать именно потому, что ХВЫЛЕВОЙ - националист, что поэтому нужно заботиться о его популяризации, об увеличении литературы о нем. Часть моей работы о языке ХВЫЛЕВОГО напечатана в журнале "Червоний Шлях" 1925 г., № 1-2. Впоследствии ХВЫЛЕВИЧ упомянул обо мне, как об исследователе его языка, во вступлении к 1-му тому своих "Творів". Это приветливое или в крайнем случае лояльное упоминание я воспринял как намек на националистическую солидарность ХВЫЛЕВОГО со мной /ибо для ХВЫЛЕВОГО не мог быть незаметен тот факт, что в моей статье о его языке выразительно звучат украинско-националистические нотки/.

В одном из номеров журнала "Випливе" ХВЫЛЕВИЧ, под псевдонимом "Обсерватор", одобрительно отзывался об одной моей "народнической" статье /"Дещо про культуру української мови"/, напечатанной в журнале "Молодінь" 1927 г., № 2. Отмечу, что эта же самая моя статья вызвала полное одобрение и фашистского "Літер.-наук.Вісника" /за апрель 1927 г./, о чем я уже писал в предыдущих показаниях. В газете же "Комуніст" эту мою статью резко критиковал т. ДЕСНЯК /под псевдонимом, который я не могу сейчас вспомнить/.

Лично знакомства с ХВЫЛЕВИЧ /как и ни с кем вообще/ я специально не искал, хотя и имел удобные случаи к этому: ХВЫЛЕВИЧ нередко бывал в Гринченковской школе на детских школьных праздниках /об его присутствии я узнавал со слов учителей/, ибо в этой школе училась его дочь /или падчерица, фамилия которой была "УМАНЕЦ"/, а я заведывал этой школой до 1927 года. Замечу, что Ив. П. ШУКОВ /упомянутой в предыдущих показаниях/, состоявший воспитателем в той группе, где училась дочь ХВЫЛЕВОГО, заявлял мне следу-

ющее: "зразу видно, що Уманцівна /-Уманець, дочь ХВИЛЕВОГО/ із справжньої української сім'ї. Это заявление националиста ЖУКОВА Ив. П. я понимал так, что украинско-националистическая настроенность в семье ХВИЛЕВОГО достаточно сильно отражается и на его дочери, ученице Гринченковской школы /о физиономии этой школы и о своей деятельности в этой школе я писал в уже поданных показаниях/.

Я не помню, при каких обстоятельствах я познакомился лично с ХВИЛЕВЫМ, в конце 1926 или в начале 1927 г. Во всяком случае я помню такой эпизод, имевший место в фойе драм.театра, в феврале 1927 г.: в антракте я столкнулся с ХВИЛЕВЫМ и КОПЫЛЕНКОМ; КОПЫЛЕНКО вместо приветствия возмущенно /в тоне/ набросился на меня с такой фразой: "СУЛИМА, так ви наважилися виступати на отому з'їзді?" /КОПЫЛЕНКО имел в виду уже состоявшееся мое выступление с докладом на 1-ом Всеукр. с'їзді пролетарских писателей/. Я возразил КОПЫЛЕНКУ, что для меня принципиально безразлично, среди каких писателей говорить об укр. литературном языке. КОПЫЛЕНКО пытался продолжать спор, но ХВИЛЕВЫЙ оборвал КОПЫЛЕНКА такими словами: "Обдиш, проф. СУЛИМА мав цілковиту рацію виступати на з'їзді. Ти не розумієш." Это вмешательство ХВИЛЕВОГО я расценил как проявление солидарности с народническим направлением и содержанием моего выступления на с'їзді, ибо был уверен, что ХВИЛЕВЫЙ имеет сведения об этом содержании /иначе ХВИЛЕВЫЙ не говорил-бы так уверенно о "рації" моего выступления и о "нерозумінні" КОПЫЛЕНКА/.

Персонально ближе с ХВИЛЕВЫМ я познакомился в квартире Остапа ВЫШНИ /весною 1928 года/, куда мы с Ал.Ив. ПОЦОВЫМ явились на пирушку, в которой - в момент нашего

прихода - уже принимали участие следующие лица: О. ВИННИЙ, ХВИЛЕВНИЙ, ДОСВИТНИЙ и ИВ.П. СОКОЛЯНСКИЙ. Лично я попал на эту пирушку случайно /ибо меня никто не приглашал/, а вышло это так: я зашел к Ал. Ив. ПОПОВУ, он собирался в это время к О. ВИННИЮ и убедил меня, что ничего не будет неудобного, если мы вместе пойдем к О. ВИННИЮ, где ~~интереснейшие~~ соберутся "для выпивки" уже упомянутые выше лица. Из этой пирушки у меня остались в памяти эпизоды, бывшие в самом начале моего участия в пирушке и имеющие отношение к ХВИЛЕВОМУ.

СОКОЛЯНСКИЙ И.П. информировал ХВИЛЕВОГО о том, что я его /ХВИЛЕВОГО/ "душе люблю". Я подтвердил, что мне очень нравится стиль ХВИЛЕВОГО и вообще его произведения, а в особенности "Санаторійна зона", которую я читаю неоднократно.

В дальнейшем выяснилось, что ХВИЛЕВОМУ принадлежит псевдонимная похвала по адресу уже упомянутой выше моей статьи в журнале "Молодняк". ХВИЛЕВНИЙ подчеркнул, что эту мою статью он прочитал "як добре зроблене оповідання, з насолодою не одриваючись".

На этой же пирушке я поставил вопрос о том, как отнесутся присутствующие /на пирушке/ к мысли о создании украинско-латинского алфавита? Оказалось, что все присутствующие сочувствуют этой мысли, разделяют ее и готовы на реальные шаги для ее осуществления и публичной демонстрации /в печати своих симпатий к укр.-латинскому письму. Комментарии к возникшему вопросу были ненужны, и мою фразу о связи между латинизацией украинского письма и европеизацией вообще украинской культуры - эру мою сразу кто-то оборвал репликой, что "в цій справі все ясно без пояснень". ХВИЛЕВНИЙ особенно увлекся моим предложением об укр.-латинском письме, несколько раз приветствовал эту идею и строил планы относительно

того, каким образом можно в ближайшем будущем начать продвижение в обществе мысли об укр. латинском алфавите и как конкретно и интересно можно оформить это - оформить так, чтобы оиыт "латинистов" проник в разнообразные круги общества, заинтриговал там сочувствующих и побудил их на известную акцию. В результате ХВЫЛЕВЫЙ предложил составить литературно-научный сборник и употребить все усилия к тому, чтобы он был напечатан украинско-латинским шрифтом. В этом сборнике должны были /согласились/ принять участие такие лица: ХВЫЛЕВЫЙ, ДОСВИТНИЙ, О.ВИШНЯ, И.П. СОМОЛЯНСКИЙ, Ал.Ив. ПОПОВ и я. ХВЫЛЕВЫЙ обещал привлечь к участию КУЛИША, Арк. ЛЮБЧЕНКА, П.ТЫЧИНУ и С.В. ПИЛИПЕНКО. Мне было поручено приготовить статью об украинско-латинском письме и дать проект укр.-латинского алфавита и правил правописания при пользовании этим алфавитом.

На второй день после вышеупомянутой пирушки участники ее плюс КУЛИШ предприняли прогулку за парк; во время этой прогулки ХВЫЛЕВЫЙ и я, при эпизодическом участии остальных, еще раз обсудили вопрос об укр. латинском алфавите но к новым заключениям не пришли.

Через очень непродолжительное время я подготовил проект укр.-латинского алфавита, и, созвонившись по телефону с ХВЫЛЕВЫМ, показал ему этот проект в помещении ГИУ /ул. Дибкенхата/, но уж тогда мне показалось, что ХВЫЛЕВЫЙ охладел к "латинскому" вопросу. Я не спрашивал его о причинах, считая их основательными /-подозревая находку ХВЫЛЕВОМУ от партийных товарищей его/, и больше не обращался к нему с укр.-латинским алфавитом и связанными с ним перспективами.

Встретившись однажды с ХВЫЛЕВЫМ в доме им. ВЛАДИМИРА и находясь в несколько повышенном состоянии, я говорил

ХВЫЛЕВОМУ в националистическом духе о "Ваплите", о нашенском характере ВУСПИ-а, о своих предположениях, что в ВУСПИ-е хотят себе сделать карьеру бездарности. ХВЫЛЕВИЙ не только не возражал против моих соображений, но поддакивал мне, вставляя иногда солидаризирующиеся с моими словами реплики /ХВЫЛЕВИЙ находился тогда тоже в несколько повышенном состоянии/. Этот эпизод относится тоже к весне 1928 года.

Еще один эпизод: в июле 1928 года я пришел к ХВЫЛЕВУ /это единственный раз, когда я был в квартире ХВЫЛЕВОГО/ с тем, чтобы отправиться с ним на собрание членов ВУСПИ-а на этом собрании кого-то из выступавших по-украински попросили говорить по-русски, а Президиум собрания поддержал эту просьбу; я предложил ХВЫЛЕВУ протестовать; ХВЫЛЕВИЙ составил довольно реакую записку-протест редакции этой записки я не припоминаю/, и мы подали ее в президиум, подписавши свои фамилии. Наблюдая ХВЫЛЕВОГО в этом мелком эпизоде, я имел случай убедиться в остроте националистических реакций ХВЫЛЕВОГО.

Что касается ХВЫЛЕВОГО в домашнем быту, то об этом я ничего не знаю, кроме сообщения писательницы С. ЛЕВИТИНОЙ /пьесу этой писательницы "Марийка" я перевел с русского языка на украинский/, которая по какому-то поводу говорила мне, что ХВЫЛЕВИЙ в ХВЫЛЕВИИ в своем доме - настоящий мещанин, малочный и вздорный, что она /ЛЕВИТИНА/ это очень хорошо знает, ибо -живя рядом с ХВЫЛЕВИИ - наблюдает его поведение и слышит от прислуг отрицательные отзывы о ХВЫЛЕВОМ. Я молчал на сообщения ЛЕВИТИНОЙ, предполагая, что она плохо говорит о ХВЫЛЕВОМ именно по той причине, что этот

писатель вывел ее /ЛЕВИТИНУ/ в рассказе "Свиня", о чем мне известно со слов Ал. Ив. ПОПОВА.

Ал.Ив. ПОПОВ всегда отзывался о ХВЫЛЕВОМ как о действительно талантливом и действительно украинском по духу /-националистическом/ писателе. После покаянных признаний ХВЫЛЕВОГО мы с Ал. Ив. ПОПОВЫМ заключили, что песни ХВЫЛЕВОГО спета - он уже ничего не даст литературно-ценного ибо сбит с своей националистической почвы, которой питался, и не успеет /в виду своей физической болезненности и моральной раздавленности/ переключиться на новый путь.